

Максимова Ирина Васильевна

кандидат исторических наук

Волгоградский государственный медицинский университет

**«ПРИПОДНЯТЫЙ КРАЙ ЗАВЕСЫ»: ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТИТУЦИИ
В САРАТОВСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА 1910-х гг.**

В русле постепенно набирающей популярность женской и гендерной истории на современном этапе растет число исследований, посвященных анализу различных проявлений женского девиантного поведения в позднеимперской России. Обзор существующей научной литературы свидетельствует, что среди проблем женских девиаций наиболее изученной является проблема проституции. Под данным феноменом при всей многозначности понятия обычно понимают «...вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении»¹. Особое внимание обществоведов к проституции, характерное для рубежа XIX–XX вв., частично объясняется повышенным интересом обывателей к проблемам пола и секса², что, безусловно, нашло отражение в дошедшем до нас корпусе источников. Большинство современных авторов объединяет восприятие проституции как специфического явления повседневной жизни и досуговой практики в пространстве крупных городов Российской империи, вызывавшего неоднозначную оценку среди современников³.

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб., 2000. С. 59.

² См.: Там же.

³ См., напр.: *Быкова А.Г.* Проституция в истории больших городов Западной Сибири 1880-е – 1914 гг. (по материалам Омска и Томска): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; *Зоткина Н.А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. С. 185–232; *Паликова Т.В.* «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52; *Кискидосова Т.А.* «Жрицы любви» в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 99–105; *Малышева С.Ю.* «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2014; *Болтаевский А.А.* «Милые, но погибшие создания»: социальные девиации в Москве в конце XIX – начале XX в. // Социодинамика. 2015. № 12. С. 129–141. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17295 (дата обращения: 30.03.2023); *Татарникова А.И.* «Продажная любовь» как явление повседневной жизни городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1(73). С. 158–162; *Кончаковская Н.Б.* Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2(49). С. 67–79; *Ахметов А.А.* Феномен проституции в повседневной жизни

Важно подчеркнуть, что подавляющая часть исследователей исходит из того, что общий рост и эволюция различных форм девиантности, включая проституцию, стали сопутствующим фактором и оборотной стороной модернизационных процессов. По точному замечанию С.Г. Куликовой, движение России по пути модернизации и формирования гражданского общества ломало привычные нравственные устои, постепенно создавая новую систему ценностей; успехи ускоренного индустриального развития одновременно вели к глубокому нравственному кризису общества, одним из пагубных проявлений которого и стало распространение проституции⁴.

С учетом территориальных рамок исследования следует выделить работы А.А. Ахметова, в которых преимущественно на основе материалов дореволюционных фондов Государственного архива Саратовской области⁵ исследуется феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX вв. Статьи автора отличает глубина проработки вопроса и в целом высокий научный уровень⁶.

Вместе с тем информативные возможности местных газет в качестве перспективного источника для изучения проблемы проституции в региональной историографии по-прежнему не раскрыты. Настоящая статья призвана частично восполнить данный пробел, направлена на изучение феномена проституции и его места в повседневной действительности губернского города Саратова начала 1910-х гг. по материалам газетной периодики. Основную источниковую базу работы составляют материалы двух крупных региональных изданий – «Саратовский вестник» и «Саратовский листок», большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Преобладающая часть номеров данных газет за 1910–1913 гг. размещены в открытом доступе на платформе Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич, что значительно повышает эффективность их использования⁷.

Давая краткую характеристику источниковой базы, необходимо признать, что газеты как разновидность периодической печати в сопоставлении, например, с женскими

Саратова на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 548–553; *Синова И.В.* Жизнь по «желтому» билету. СПб., 2021; и др.

⁴ *Куликова С.Г.* Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков): монография. Гагарин, 2011. С. 39.

⁵ К числу привлекаемых А.А. Ахметовым фондов относятся: Ф. 4 (Саратовская городская управа), Ф. 59 (Саратовское городское полицейское управление Министерства внутренних дел), Ф. 60 (Саратовский полицмейстер), Ф. 407 (Саратовская губернская ученая архивная комиссия), Ф. 66 (Частные приставы города Саратова Саратовского городского полицейского управления).

⁶ См.: *Ахметов А.А.* Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков; *Его же.* Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–96.

⁷ См. подробнее общую характеристику используемых источников, включая анализ специфики работы с материалами прессы: *Максимова И.В.* Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 1 // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. Вып. 9, ч. 1. С. 73–74. URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/stories/9_1/sb09_01_04.pdf (дата обращения: 30.03.2023).

журналами⁸ в плане частоты публикаций и степени освещения проблемы проституции априори будут им уступать. Однако, служа своеобразным барометром настроений, чаяний и проблем городского населения, местные издания, пускай и опосредованно, содержат в себе разноплановую информацию по теме. Главная задача исследователя заключается в ее вычлениении из огромного массива просмотренных газетных сообщений. Наибольшей информативностью отличается постоянная рубрика «Хроника»⁹, стабильно завершающаяся сообщениями об имевших место происшествиях: кражах, самоубийствах и покушениях на них, драках, случаях вовлечения в занятие проституцией и пр. Часть свидетельств и оценок современников, проливающих свет на проблему проституции, также можно встретить в иных, чаще всего эпизодических рубриках и специальных заметках на злобу дня.

О вовлечении в занятие и занятии проституцией

Являясь крупным транспортным, торговым и промышленным центром юго-востока европейской части России, а также в силу губернского статуса Саратов, как магнит, притягивал пришлое население, в том числе и женское, приезжающее в поисках заработков и лучшей доли¹⁰. По официальным данным за 1910 г., соотношение полов в городе с более чем 200-тысячным населением составляло для возрастной категории старше 15 лет 46,9% мужчин и 53,1% женщин¹¹. Установить точное количество женщин, вовлеченных в занятие проституцией, не представляется возможным. Это во многом связано с тем, что в Саратове, как и в других крупных российских городах, существовало четкое деление проституции на явную, официальную, терпимую, состоявшую под регламентированным надзором, т. е. поднадзорную «билетную (бордельную)», и тайную, неофициальную, преследуемую, «бланковую (свободную)»¹². При этом особую остроту проблеме проституции придавала ее неразрывная связь с ростом венерических заболеваний. Так, по данным Врачебно-полицейского комитета, в течение 1911 г. в Саратове было осмотрено 424 проститутки в домах терпимости и одиночек, из них найдено больных сифилисом 43 и венерическими болезнями 43¹³.

Главным источником пополнения рядов проституток в городе выступало крестьянское сословие, что соответствует общероссийской тенденции¹⁴. Среди причин попадания женщин в публичные дома уже современники выделяли: материальные затруднения, дефлорацию,

⁸ См., напр.: *Громова А.И.* Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX века // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2015. Т. 4. № 3. С. 70–81.

⁹ В номерах газеты «Саратовский листок», в отличие от конкурирующего издания «Саратовский вестник», зачастую использовалась, вероятнее всего, для удобства читателей, отдельная рубрика «Происшествия по городу» или просто «Происшествия», шедшая сразу за основной рубрикой «Хроника».

¹⁰ См.: *Максимова И.В.* Указ. соч. С. 75.

¹¹ См.: *Кокшайский И.Н.* Предварительные данные переписи населения г. Саратова и его пригородов, произведенной в 1916 году. Саратов, 1916. С. 14.

¹² См. об этом: *Ахметов А.А.* Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков. С. 549, 552.

¹³ Статистический обзор Саратовской губернии за 1911 год. Саратов, 1912. С. 26.

¹⁴ См.: *Ахметов А.А.* Указ. соч. С. 551.

леность, обман¹⁵. Именно последний, обманный путь вовлечения в занятие проституцией получил наибольшее освещение в местной прессе. Время от времени на страницах периодики появлялась информация о торговцах «живым товаром», деятельность которых вызывала крайне негативную общественную оценку. Например, в показательной заметке «Скупщики живого товара», ставшей своеобразным предупреждением для потенциальных жертв, констатировалось: «Каждый год с наступлением навигации по всем крупным приволжским городам разъезжают мужчины и женщины, которые вербуют молодых, неопытных девушек, в возрасте от 17 до 20 лет, для домов терпимости на Кавказе, в Персию и др. места». Алгоритм действий их был довольно прост. Как правило, скупщики «живого товара», прибыв в город, давали объявления в местные газеты о наличии хорошо оплачиваемых вакансий бонн¹⁶, кухарок, горничных и др. прислуги. Поскольку желающих получить хорошее место находилось достаточно много, неопытные девушки попадали «...в лапы пауков, ... вырваться из которых им стоит больших трудов и усилий»¹⁷.

Далее автор подкреплял свои мысли недавним примером деятельности двух молодых женщин, прибывших в конце мая 1910 г. в Саратов. Остановившись на постоялом дворе «Карбулакское подворье» на ул. Цыганской (ныне ул. Кутякова), прилично одетые дамы каждый вечер выходили на ул. Немецкую¹⁸, в сад «Липки» и другие места гуляний и о чем-то шептались с молодыми девушками. Поведение неизвестных женщин вызвало подозрение со стороны местной полиции, поэтому за ними приставом 1-го полицейского участка Ермолиным было установлено наблюдение. В ходе внезапной облавы в «Карбулакском подворье» злоумышленниц задержали, с ними в номере находился подобранный и еще не отправленный «живой товар» в количестве шести девушек. При дознании выяснилось, что в роли работодательниц выступали казачка Полтавской губернии Е.И. Дегтяренкова и ее подруга – крестьянка Симбирской губернии М.Н. Повыдчикова. После долгого заперательства задержанные сознались в том, что они специально разъезжали по приволжским городам и вербовали молодых девушек для домов терпимости в г. Астрахани, где у них имелись особые секретные квартиры, так называемые «одиночки»¹⁹. Чем же прельщались потенциальные жертвы? Девушкам сулили «золотые горы» и, конечно, прямо не говорили, что их ждет по прибытии в Астрахань. Одним назначали жалованье 20–30 руб. в месяц, другим обещали половину дохода от «гостей», которые якобы приезжали только для того, чтобы «повеселиться», как в ресторане; некоторым даже обещали сшить дорогие «шансонетные» костюмы²⁰. По итогам дознания было установлено, что «поставщицы» сманивали преимущественно молодых служанок. Знакомство заводили через

¹⁵ См.: Паликова Т.В. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Бонна – наименование воспитательницы маленьких детей в семье, с положением выше няньки и ниже гувернантки, в дореволюционной России.

¹⁷ Саратовский вестник. 1910. 29 мая. С. 4.

¹⁸ Ул. Немецкая (ныне проспект Столыпина) – одна из центральных улиц Саратова; распространенные неофициальные названия – «Невский проспект», «Саратовский Арбат».

¹⁹ Саратовский вестник. 1910. 29 мая. С. 4.

²⁰ Саратовский листок. 1910. 29 мая. С. 3.

«комиссионерок»²¹, а некоторых сами останавливали на улице и расспрашивали про жите-
бытие. Так, одну девушку, которой еще не было 17 лет, им удалось сманить от матери,
проживающей на Горах²².

Примечательно, что «торговцы живым товаром» промышляли не только в Саратове, но
и в уездных центрах губернии. Например, в рубрике «Уездные вести» в одноименной
заметке из Хвалынска речь шла о вовлечении в занятие проституцией двух девушек – Марии
Петяевой, 19 лет, и Анастасии Кузмичевой, 17 лет. Поскольку описываемый случай являлся
достаточно типичным для тех лет и вполне мог произойти в «столице Поволжья»,
остановимся на нем подробнее. Осенью 1912 г. с последним парохом крестьянки из
деревни Большая Несветаевка Саратовского уезда прибыли на заработки в относительно
небольшой поволжский город Хвалынск. Случайное знакомство с казачкой Анной
Деруженковой, пригласившей к себе на квартиру и обещавшей обучить портняжному
мастерству, сыграло роковую роль в их судьбе. Под давлением Деруженковой и ее
сожителя, Петра Марканова, незащитные девушки были вынуждены согласиться принимать
«гостей». В дом свиданий ходили хвалынские купцы, торговцы и чиновники. Одна из
девушек, устав терпеть унижения, сообщила об этом полиции. В начале февраля 1913 г.
притон был «накрыт», девушек этапным порядком выслали на родину, а Деруженкову и
Марканова привлекли к законной ответственности²³.

Согласно «Правилам для проституток, содержательниц домов терпимости и
поднадзорных притонов разврата», утвержденным Министерством внутренних дел
Российской империи 8 октября 1903 г., в разряд проституток могли зачисляться женщины не
моложе 18 лет, а минимальный возраст для проституток в домах терпимости составил
21 год²⁴. Соответственно все девушки, не достигшие установленного возраста, могли
заниматься только нелегальной проституцией. Порожденные этим обстоятельством
сложности получили освещение в эпизодической рубрике «По камерам мировых судей» в
заметке некоего Энэля «Подлог для “ямы”». Перед судьей третьего участка предстала
молодая девушка Марья Куницына, крестьянка Аткарского уезда Саратовской губернии. Из
воспроизведенного разговора судьи с обвиняемой, а также прочитанного полицейского
дознания вырисовываются следующие обстоятельства дела. Около четырех лет Куницына
занималась проституцией – первые два года в Астрахани, потом – в Саратове. Будучи
неграмотной и при отсутствии метрики, девушка затруднилась назвать судье свой точный
возраст: «Да не знаю точно. 21-ый что ли...». Однако дознанием было установлено, что
возраст обвиняемой – 18 лет. Прожив более года в «заведении» Черновой, она была
удалена оттуда по требованию врачебно-полицейского комитета как не достигшая 21 года.
Выброшенная из «заведения», Куницына очутилась на улице, без гроша в кармане, не

²¹ Комиссионеры, или «факторы» (посредники) – одни из ключевых социальных фигур в организации профес-
сиональной проституции в Российской империи; путешествовали из города в город в поисках девушек и
женщин для вербовки в дома терпимости и другие притоны разврата. См.: Девиантность и социальный
контроль в России (XIX–XX вв.). С. 329.

²² Саратовский листок. 1910. 30 мая. С. 4.

²³ Там же. 1913. 7 февраля. С. 4.

²⁴ См.: Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в
Казани во второй половине XIX – начале XX века. С. 50.

приспособленная ни к какому труду. Скитаясь по зловонным трущобам Саратова, опускаясь все ниже и ниже на «дно» жизни, девушка, желая вернуться в дом терпимости, ставший в ее воображении «...прекрасным убежищем, идеалом земного существования», нашла человека, переделавшего ей дату рождения в паспорте. Благодаря этому шагу, Марья вновь была принята в дом терпимости, но довольно быстро подлог вскрылся. По итогам рассмотрения дела судья признал Куницыну виновной в подделке паспорта и приговорил ее к двухмесячному тюремному заключению²⁵. Думается, дальнейшая участь проститутки, на преступление которую подтолкнула сама жизнь, весьма незавидна.

Обреченностью проникнута судьба еще одной юной проститутки Е. Кондратьевой, в торговлю телом которую вовлекла родная мать с помощью некоей тетеньки «Мышиная тропа» по причине материальной нужды. В заметке «Крестины справила» эпизодической рубрики «Маленькая хроника» обыгрывается случай, произошедший на второй день Пасхи в базарной полицейской (на Верхнем базаре) конторе. Именно туда полицейский солдат привел девочку, на вид лет 14-ти, и передал околоточному надзирателю со словами: «Еленка опять заявила в трактирах». Из приведенного разговора чиновника городской полиции с девочкой следует, что последняя стала их посещать «с тех самых пор, как мы с мамой крестины справили». Ровно десять месяцев назад, когда девочке было 14 лет, мать, брошенная полюбовником, родила ребенка. Посокрушавшись, что не на что справиться крестины новорожденному, женщина сговорила с тетенькой «Мышиная тропа» и отправила с ней девочку с наказом слушаться и принести деньги. Вечером «гостя» отвела Елену в гостиницу к «барину», а на утро для матери передала 75 руб., на которые потом и были справлены крестины. На крестинах девочку напоили и отправили в трактир, утром она проснулась в квартире какого-то старика, заплатившего за оказанную услугу. «Так вот с крестин то я и пошла по гостиницам», – в заключении добавляла рассказчица²⁶.

Изложенный случай – наглядный пример занятия подпольной проституцией. При этом тайными публичными домами в Саратове могли выступать многочисленные кабаки, гостиницы, бани и другие подобные заведения, которые, помимо своего прямого назначения, параллельно предоставляли сексуальные услуги²⁷. Местные властные структуры пытались бороться с такой деятельностью. К примеру, содержатель трактира «Трансвааль», располагавшегося на углу Никольской и Цыганской улиц, в начале июня 1911 г. был привлечен Л.В. Иноземцевым к ответственности за допущение в трактир проституток и за торговлю водкой во время прекращения работы казенных винных лавок, а также в отпуске водки малолетним²⁸. Спустя несколько месяцев сообщалось о закрытии по распоряжению полицмейстера «Новомосковских номеров», содержащихся Лапшиной, за допущение в них проституции²⁹.

Обитательницы и посетители заведений разврата нередко становились фигурантами криминальных сводок, ведь здесь регулярно происходили драки, скандалы в любое время

²⁵ Саратовский вестник. 1913. 16 февраля. С. 3.

²⁶ Там же. 18 апреля. С. 5.

²⁷ См.: Ахметов А.А. Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков. С. 549.

²⁸ Саратовский листок. 1911. 5 июня. С. 4.

²⁹ Там же. 17 ноября. С. 4.

суток, отсюда доносились ругань и «скабрезные песни»³⁰. Главным местом действий газетных сообщений выступали дома терпимости по ул. Петинской³¹, именно на эту улицу к 1909 г. была переведена основная часть саратовских борделей. Так, в «Саратовском листке» сообщалось о крупной потасовке, разыгравшейся между проститутками дома терпимости Черновой 13 марта 1911 г. и закончившейся смертью одной из девиц в результате побоев³². В том же издании в заметке «За жестокое обращение» констатировался факт закрытия Врачебно-полицейским комитетом в январе 1913 г. дома терпимости Струлевой за жестокое обращение с проститутками; последние жаловались на содержательницу управляющему губернией, поскольку «...она бьет их и обирает»³³. О неуравновешенном характере Струлевой также свидетельствует тот факт, что незадолго до описываемых событий, 4 июля 1912 г., с целью лишиться себя жизни она приняла небольшую дозу раствора сулемы; в качестве причины самоотравления указывалась ссора и драка с мужем³⁴.

Следует отметить, что случай Струлевой был не единичным, хотя попытки суицида, как правило, предпринимали проститутки, а не содержательницы борделей. Например, в заметке «Надоело жить» отложилась информация о происшествии в доме терпимости Ступиной, в котором 22-летняя П.К. Январева утром 28 декабря 1910 г. выпила флакон уксусной эссенции, после чего в бессознательном состоянии была доставлена в городскую больницу³⁵. Схожий случай, произошедший в доме терпимости Смириной (по другому источнику – Смирновой), зафиксирован в заметках «В поисках смерти» и «Самоотравление». 26 августа 1913 г. в 3 часа ночи проститутка Евдокия Учевашкина, 23 лет, будучи в нетрезвом виде, выпила около полубутылки раствора сулемы³⁶; причиной самоотравления указана «тяжелая жизнь»³⁷. Чуть раньше аналогичный способ самоотравления избрала 22-летняя проститутка Капустина, оставив предсмертную записку со словами: «Умираю от горькой, несчастной жизни»³⁸. В двух других показательных заметках «Драма» и «Самоотравление проститутки» рассказывалось о неудачной попытке покончить с собою путем принятия уксусной эссенции 28-летней М. Булгаковой из дома терпимости Макаровой. Причиной самоубийства послужило известие о том, что полюбившейся ей клиент, пообещавший жениться и избавить от жизни в борделе, оказался женат³⁹.

Посещение домов терпимости для мужчин представляло собою довольно рискованное дело, поскольку было сопряжено с потенциальной угрозой заражения венерическими заболеваниями, возможностью получения увечий в ходе завязавшихся драк, а также риском потери имущества. К примеру, в заметках «Побаловался» и «Кража в доме терпимости» речь

³⁰ См.: *Ахметов А.А.* Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков. С. 94.

³¹ Ул. Петинская (ныне ул. Рабочая) получила свое название по фамилии жандармского офицера Петина, имевшего на ней дом, поэтому в местных газетах чаще встречается ее сокращенное наименование – Петина ул.

³² Саратовский листок. 1911. 14 марта. С. 2.

³³ Там же. 1913. 15 января. С. 4.

³⁴ Там же. 1912. 6 июля. С. 3.

³⁵ Саратовский вестник. 1910. 29 декабря. С. 5.

³⁶ Там же. 1913. 27 августа. С. 4.

³⁷ Саратовский листок. 1913. 27 августа. С. 4.

³⁸ Там же. 1912. 13 марта. С. 3.

³⁹ Саратовский вестник. 1913. 29 октября. С. 4; Саратовский листок. 1913. 29 октября. С. 4.

шла о содержателе трактира на ул. Бол.-Казачьей Сергее Ионове, который в ночь на 28 августа 1913 г. зашел «побаловаться» в дом терпимости на ул. Петинной, а утром заявил полиции о похищении из кармана брюк 73 руб.⁴⁰. Подозрение в краже было высказано на проститутку Евдокию Симакову и дворника Ивана Владимирову, однако в дальнейшем расследование установило возможную непричастность обвиненных лиц⁴¹.

Об отношении местной интеллигенции к проституции

Городская общественность в условиях развития потребительского рынка и урбанизации относилась к представительницам древнейшей профессии неоднозначно: одна часть общества спокойно сосуществовала с данной формой социальной девиантности, недовольство же других возрастало по мере того, как проституция вторгалась в их личное пространство⁴². По газетным заметкам мы в первую очередь можем проследить отношение журналистов как представителей художественной интеллигенции к проституции, отличавшееся в массе своей жалостью и состраданием. Подобное гуманное отношение получило наглядное отражение в статье К. Г.⁴³ «Заметки. Приподнятый край завесы». Автор с прискорбием констатировал: «Л. Андреев в рассказе “Тьма” и А. Куприн в своей известной “Яме” смелой рукой и широкой кистью пытались обрисовать тот терпимый законом и отверженный обществом мир проституции, который хотя и существует реально, но густо покрыт покровом сомнительной тайны. Говорим “сомнительной” потому, что очень многие знают всю правду об этом мире, но делают вид, что она им незнакома, и лицемерно отворачиваются от этой правды, бьющей в глаза и расстраивающей нервы». Журналист полагал, что даже люди, владеющие лишь теоретическими знаниями об этом социальном эле окружающей жизни, далекие от реального знакомства с обитателями домов терпимости, интуитивно понимают, что «...что-то здесь неладно, что-то в этом деле нездоровое, ненормальное...». Ниже читаем: «Здесь лежит та болезненная трещина, которая раздирает общественный организм и сочится заразной материей, отравляющей нравственное и физическое существование людей. Это в общем. Но в частности – и там живут люди, чувствующие, страдающие, люди с живой душой, в которой нередко теплится искра человеческих чувств, разгорающаяся в яркий, светлый костер»⁴⁴.

Приведенная выше вступительная часть представляет собою живой отклик издателя и общественного деятеля И.П. Горизонтова на опубликованную накануне заметку А. П.⁴⁵ «Драма в доме терпимости». В центре разыгравшейся драмы – незавидная судьба двух подруг-проституток и образ их умершего возлюбленного. Рано оставшаяся без отца одна из девушек, Кузнецова, в 14 лет была вынуждена пойти в прислуги, где в первый же год службы

⁴⁰ Саратовский вестник. 1913. 30 августа. С. 3; Саратовский листок. 1913. 30 августа. С. 3.

⁴¹ См. об этом: Саратовский вестник. 1913. 30 августа. С. 3.

⁴² См. об этом: *Ахметов А.А.* Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков. С. 91–96.

⁴³ Псевдоним И.П. Горизонтова. См.: ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов»: [сайт]. URL: <http://feb-web.ru/feb/masapov/map/0.htm> (дата обращения: 30.03.2023).

⁴⁴ Саратовский вестник. 1910. 31 октября. С. 5.

⁴⁵ Псевдоним А.А. Прибыткова. См.: ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов».

оказалась соблазненной хозяйским сыном. Терзаемая совестью, девушка сбежала от матери из Саратова в Балаково; там же в 15 лет стала зарегистрированной проституткой публичного дома⁴⁶. Кузнецова и ее товарка по профессии Анна Тагаева среди многочисленных «гостей» встретили мужчину, который «...был лучше, чище остальных, и они обе одинаково полюбили его». Роман втроем продолжался годы, вплоть до кончины возлюбленного. Общее горе еще больше сблизило подруг. Похоронив мужчину за свой счет, они перебрались в один из домов терпимости Саратова, где потянулись «снова годы той же беспросветной грязной жизни...». Утешением, сродни «светлому лучу», для молодых женщин являлись воспоминания «о нем», сопровождаемые обильной выпивкой. Вспыхнувший в ходе одной из таких посиделок спор на тему «кого больше любил умерший» перерос в поножовщину. Кузнецова в пылу ссоры нанесла ножом удар в горло Тагаевой, ставший смертельным, а затем сама пошла в полицию признаваться в убийстве. 27 октября 1910 г. в ходе судебного заседания с участием присяжных заседателей обвиняемая была признана виновной в убийстве во время драки. С учетом проявленного к ней снисхождения суд приговорил Кузнецову лишь к 4 месяцам тюремного заключения⁴⁷.

Иван Парфенович, вставая на защиту Кузнецовой, пытался донести до читателей свою убежденность в том, что проститутки, вопреки представлению об их отверженности, – это такие же люди, достойные сочувствия и участия. Заметка «Приподнятый край завесы» завершалась призывом к всепрощению: «Да и самая катастрофа их интимной дружбы, окончившейся убийством подруги, ясно показывает, как сильно они любили покойного: а кто сильно любил, тому многое и простится. Правда, в больных душах все болезненно и проявляется, но, повторяем, – не судите, а поймите: а понять – значит простить...»⁴⁸.

Чувством глубокого сострадания к падшим женщинам проникнута еще одна заметка – рассказ «Елка» Ф. Воскресенского. Сюжет его незамысловат. Проститутка Соня Кавказская, чистокровная русская женщина со скверным характером, любившая ссоры и драки, выпив, с удовольствием рассказывала о своем ребенке. Бесконечно длинная и трогательная история с варьирующимися подробностями неизменно находила отклик среди слушательниц – работниц того же публичного дома. Раз или два в неделю Соня одевалась в скромное платье, стирала с лица следы красок и уходила. Ее провожали пожеланиями и просьбами поцеловать мальчишку, по возможности даже передавая свертки с подарками для него. Детально в рассказе обыгрывается попытка других проституток устроить Сониному ребенку настоящий праздник в рождественский сочельник с установкой нарядной елки. Бессмысленность их слаженных действий становится очевидна в финале истории: у героини никогда не было ребенка⁴⁹.

⁴⁶ Приведенная автором заметки информация с учетом действующего законодательства не могла соответствовать действительности в части регистрации рода занятий девушки столь юного возраста.

⁴⁷ Саратовский вестник. 1910. 30 октября. С. 3.

⁴⁸ Там же. 31 октября. С. 5.

⁴⁹ Там же. 1913. 3 января. С. 2.

Как следует из приведенных сюжетов, основной задачей журналистов региональных изданий в освещении проблемы проституции было показать не до конца уничтоженную человечность женщин, вступивших, зачастую под давлением обстоятельств, на путь разврата и порока, а также заявить о необходимости сохранения их права на лучшую, более достойную, пускай порою и выдуманную, жизнь.

О всероссийском съезде по борьбе с проституцией

Всплеск интереса к проблеме проституции в дореволюционном обществе приходится на конец апреля 1910 г. и связан с проведением в Санкт-Петербурге Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. Организацию проведения съезда взял на себя Комитет Российского общества защиты женщин; приглашение от его лица было отправлено всем, чье участие могло бы принести пользу. Текст приглашения начинался с констатации следующего обстоятельства: «Среди вызванных условиями современной жизни прискорбных явлений, содействующих физическому и нравственному развращению населения, одно из первых мест принадлежит торговле женщинами и проституции во всех ее видах»⁵⁰. В качестве главных причин, вызывающих и содействующих развитию проституции, назывались: экономические причины, алкоголизм, бесправное положение женщин, заброшенность детей, низкий уровень понятий в обществе по вопросам о проституции⁵¹.

Не вдаваясь детально в программу, ход и итоги проведения съезда, которые получили частичное освещение в саратовских газетах благодаря перепечатке информации из столичных изданий⁵², остановимся подробнее на последовавших откликах на него со стороны местных журналистов. В рубрике «Саратов, 25-го апреля» отмечалось: «Из всех съездов, работающих в настоящее время в Петербурге и Москве, наибольшее внимание в общественном смысле привлекают съезды Пироговский и по борьбе с проституцией». Далее читаем: «И общественная медицина, и развитие в стране проституции, и связанное с последнею распространение сифилиса глубоко коренятся в условиях общественной жизни и не могут быть от нее отделимы». Редакция газеты «Саратовский листок» исходила из того, что «...в огромном, подавляющем большинстве случаев на путь проституции толкает нужда, необеспеченность в завтрашнем дне и безрадостная жизнь, полная всякого рода лишений и огорчений». Соглашаясь с необходимостью принятия карательных мер, легших в основу целого ряда резолюций съезда, против тех, кто «...совращают девушек на позорную жизнь и являются или потребителями, или поставщиками живого товара», автор заметки переводил акцент на меры общественного характера. К их числу относилось улучшение положения трудящихся женщин (фабричных работниц, портних, разных мелких служащих, прислуги и т. д.), на «веселую» жизнь которых подталкивал ничтожный заработок и изнурительный

⁵⁰ Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб., 1911. Т. 1. С. 1.

⁵¹ Там же. С. 1–2.

⁵² См., напр.: Съезд по борьбе с проституцией / Последние известия // Саратовский вестник. 1910. 27 апреля. С. 3; Там же. 28 апреля. С. 2; Съезд по борьбе с проституцией / Последняя почта // Саратовский листок. 1910. 28 апреля. С. 2.

труд. Понимая бессилие съезда в устранении всех многообразных факторов, способствующих распространению проституции, редакция высказала пожелание о сборе съездом как можно больше фактического материала, который в перспективе смог бы послужить обоснованием для борьбы посредством законодательных мероприятий⁵³.

В продолжение постоянной рубрики «Саратов» от 29-го апреля подчеркивалась та «ужасная» картина, которую раскрыл съезд: «Разврат давно уже вышел из домов терпимости и широкою волной разливаётся по всему полю нашей жизни». Для автора заметки стало откровением, что «...даже попечительства и приюты не гарантированы от сексуальных замыслов разного рода начальников и попечителей, устраивающих себе гаремы из находящихся под их надзором девочек». Не меньшее возмущение получил и такой нелюбимый факт: «Разврат проник на страницы печати, где в явной или замаскированной форме печатаются объявления, клонящиеся к вовлечению женщин в разврат»⁵⁴. Особую реакцию вызвал доклад доктора медицины Б.И. Бентовина о проституции детей, зачитанный 23 апреля в ходе дневного заседания⁵⁵. Сделав вывод о многообразии форм проституции, редакция была вынуждена признать, что расхожее представление об обычных «белых рабынях», находящихся в домах терпимости, должно быть значительно расширено, поскольку обсуждаемое «социальное зло» вышло далеко за пределы этих домов.

Задаваясь вслед за делегатами съезда вопросом «Как бороться со злом?», автор заметки констатировал: «Ни драконовские законы, ни моральные сентенции, ни даже меры культуры неспособны в данное время совсем уничтожить проституцию...». Вместе с тем борьба с проституцией со стороны государства и общества жизненно необходима. Так, журналист разделял взгляды тех, кто считал полезным знакомить молодежь, достигшую известного возраста, с последствиями и заболеваниями, связанными с проституцией; предметом спора здесь могло служить только «...как это делать и в каком возрасте». Пытаясь примирить позиции сторонников и противников государственной регламентации занятий проституцией, редакция газеты склонялась к компромиссному решению: государство должно уничтожить формально дома разврата, но сохранить надзор за практикующими женщинами и обязать их, также как и посещающих проститутток мужчин, в определенное время являться к врачу⁵⁶.

В заметке «На разные темы. Из размышлений у сцены», помещенной в рубрике «Фельетон», Свой⁵⁷ саркастически подходил к оцениванию состоявшегося съезда, в ходе которого «...собрались в столице люди и начали с самоотвержением копать в этой яме». Павел Александрович восклицал: «Что лучше, например: полутайные скверные дома, или скверные дома полуявные? По нашему бы мнению – не надо ни тех, ни других... Если нужно выбирать только между полутайными и полуявными домами разврата, то, право, не стоило и на съезд ехать». Тем не менее определенную ценность съезд из себя представлял, но она

⁵³ Саратовский листок. 1910. 25 апреля. С. 2.

⁵⁴ Саратовский листок. 1910. 29 апреля. С. 2.

⁵⁵ См. текст доклада: Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб., 1912. Т. 2. С. 441–457.

⁵⁶ Саратовский листок. 1910. 29 апреля. С. 2.

⁵⁷ Псевдоним П.А. Аргунова. См.: ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов».

задавалась «...не тем, что он скажет что-нибудь новое, а тем, что ему скажут что-нибудь новое». Автор заметки полагал, что подобные съезды необходимы для определения границ дозволенного при обсуждении злободневных проблем. Случавшиеся в ходе съезда инциденты, когда участвующих в обсуждениях перебивали («Это не относится к делу!», «Это выходит из программы!» и пр.), наглядно подтверждали сделанное наблюдение⁵⁸.

Подводя итоги, следует указать, что информативные возможности дореволюционной газеты как источника информации по изучению вопросов, затрагивающих проблему проституции, достаточно велики, несмотря на то, что процедура по извлечению искомым сведений из массива газетных материалов отличается существенной трудоемкостью. Мы убеждены, что для обеспечения полноты и комплексности проводимых исследований наряду с архивными документами целесообразно более активно использовать материалы региональной прессы.

⁵⁸ Саратовский листок. 1910. 29 апреля. С. 3.